

Содержание

Предыстория	6
-------------------	---

Часть первая Рассказы о прошлом

Пролог	«Проект 1619» и «Комиссия 1776»	12
История I	Единый учебник, или Борьба за школьную историю	22
История II	Выставка «Энола Гэй», или Музейное прошлое	37
История III	Наполеон и Гамильтон, или Прошлое на подмостках, экранах и мониторах	50
Эпилог	Никита Михалков против Ельцин Центра	62

Часть вторая Овеществленное прошлое

Пролог	Захват Капитолия	66
История IV	Шарлотсвилл, или Трагедия монументальной пропаганды	70
История V	Ленин в Киеве, или Неустойчивые памятники	81
История VI	Сталинград по праздникам, или Историческая разметка пространства и времени	103
Эпилог	Фрески Арнаутова	117

Часть третья

Прошлое как поле конфликтов и повод для примирения

Пролог	Памятник «девушке для утешения» в Сеуле	123
История VII	Коленопреклонение в Катини, или Вторая мировая война в европейской памяти XXI века.....	129
История VIII	«Свобода истории», или Каноны «исторической правды».....	152
История IX	Возвращение кинжала принца Дипонегоро, или Конец европейской истории	169
Эпилог	Памятник Примирения в Севастополе	176

Часть четвертая

Прошлое как действие

Пролог	День Победы после СССР	180
История X	Дело Дениса Карагодина, или «Трудное прошлое»	182
История XI	Реконструкция нацистов, или Играя в прошлое	193
История XII	«Бессмертный полк», или Кому принадлежит память о войне.....	202
Эпилог	Возвращение имен.....	223
	Конец историй.....	225

Предыстория

Это книга о разительных переменах, которые переживает мир в своем отношении к прошлому. Впервые за многие поколения в спор об истории, бывшей ранее достоянием политиков и ученых, по всему миру врываются обычные люди. Они сносят памятники, сочиняют собственные мифы и возвращают память о забытых именах. Людям нужно прошлое, чтобы опереться на него, но та история, которая создана без их участия, их уже не устраивает. Политики ощущают этот запрос и сами экспериментируют с прошлым, делая его инструментом политических конфликтов и жертвуя им в своих интересах.

Автор использовал на страницах этой книги множество примеров американских «культурных войн», которые оказалось очень интересно сравнить с европейскими «войнами памяти» и российскими конфликтами по поводу прошлого. Надеюсь, это сравнение поможет читателю увидеть отечественный опыт более объемно.

Автор признателен коллегам, с которыми обсуждал замысел этой книги: Борису Колоницкому, Илье Калинину, Дмитрию Калугину, Виктору Каплуну, Павлу Кононенко, Андрею Макарову, Марии Мацкевич, Евгению Рощину, Элле Сагинадзе, Дарье Хлевнюк. Они, вероятно, удивятся тому, что получилось в результате, но без их советов эта книга вряд ли бы вышла, а за все ее недостатки несет ответственность только автор. Отдельно хотелось бы упомянуть студентов Европейского университета в Санкт-Петербурге, участвовавших в обсуждении многих историй, попавших в книгу.

История как язык политики

Зачем политики столь часто обращаются к прошлому и почему они делают это так по-разному? Современные «бои за историю» становятся все ожесточеннее. История давно перестала быть уделом историков и государственных школ, а в последние годы превратилась в одно из самых мощных политических орудий и в то же время в поле битвы, на котором разные социальные группы ведут сражения за желанные трофеи. Глядя на прошлое, используемое политиками и пропагандистами, мы видим его не как окаменевшую в янтаре готовую «историю», а рассматриваем примеры нашего обращения к нему, исследуем, что и каким образом делает с прошлым современность. А современность не только устанавливает факты прошлого, но и извлекает из него нужные ей эмоции, ищет в нем ответы на вопросы или просто маскирует свои проблемы разговором о давно прошедших событиях.

Посмотрим на историю как на язык, на котором обсуждаются общественные проблемы. Борьба за его однозначность, превращающая события прошлого в символы, готовые к использованию в сегодняшних спорах, составляет важную часть современных исторических дебатов в мире и особенно в России.

Выступая на пресс-конференции по итогам первого официального визита государственного секретаря США Рекса Тиллерсона в Россию, министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров посетовал, что тот отказывался говорить об истории:

Сегодня мы обсуждали исторические экскурсы, и Тиллерсон сказал, что он человек новый и предпочитает не копаться в истории, а заниматься сегодняшними проблемами. Однако мир устроен так, что если мы не извлекаем уроки из прошлого, то едва ли сможем преуспеть в настоящем.

В продолжение этого пассажа Лавров пустился в рассуждения о «ситуациях, когда группа государств, прежде всего страны Запада, члены НАТО, были абсолютно заиклены на ликвидации того или иного диктатора». «Ради того, чтобы убрать президента бывшей Югославии Слободана Милошевича, НАТО в 1999 году развязало войну в центре Европы», — сообщил российский министр, напомнив также о вторжении в Ирак, разрушении государственности в Ливии, разделе Судана. В конце пресс-конференции Лавров снова вернулся к той же теме: «Надеюсь, что все-таки возобладают люди, которые извлекают уроки из истории»¹.

Российский министр и раньше углублялся в историю (куда более давнюю, чем последние десятилетия), когда пытался объяснить резкую перемену курса внешней политики России. В статье, опубликованной весной 2016 года в журнале «Россия в глобальной политике», он «высказал некоторые соображения в увязке с историческими примерами и параллелями», предложив читателям экскурс в тысячелетнюю историю России. Напомнив о Первой мировой, о войне с Наполеоном, а также об освобождении Москвы от поляков в 1612 году, Сергей Лавров заключил, что «эти вехи недвусмысленно свидетельствуют об особой роли России в европейской и мировой истории»². Еще раньше к подобной стратегии прибег его руководитель. В конце 2014 года президент России Владимир Путин объяснял

¹ Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с государственным секретарем США Р. Тиллерсоном, Москва, 12 апреля 2017 года // Сайт Министерства иностранных дел РФ. http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2725629.

² Лавров С. В. Историческая перспектива внешней политики России: Размышления на новом этапе международного развития // Россия в глобальной политике. 2016. №2.

необходимость присоединения Крыма ссылкой на далекое прошлое: «Ведь именно в Крыму, в Херсонесе, крестился князь Владимир, а потом крестил Русь. Изначально первичная купель крещения России — там», а уже в июле 2021 года писал в статье о российско-украинских отношениях:

«Чтобы лучше понять настоящее и заглянуть в будущее, мы должны обратиться к истории». Признав, что «в рамках статьи невозможно охватить все события, произошедшие более чем за тысячу лет», Путин все же попытался рассуждать о «тех ключевых, поворотных моментах, о которых нам — и в России, и на Украине — важно помнить»³.

Не только государственные деятели прибегают к истории для разговора о политике. На бытовом уровне люди используют прошлое для обозначения своих политических предпочтений. Отношение к Иосифу Сталину или к распаду СССР по-прежнему является более понятным маркером взглядов, чем определение человека как «либерала» или «консерватора». Показательно, что ведущая организация по исследованию общественного мнения россиян «Левада-центр», продолжает публиковать опросы людей об отношении к Сталину и другим деятелям прошлого: на сайте организации по слову «Сталин» находится в два раза больше статей, чем по слову «демократия»⁴.

В использовании истории для объяснения политики нет ничего нового. В любом обществе обострение политических противоречий затрагивает оценки исторических деятелей и событий

³ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Сайт Президента России. 2021. 12 июля. <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>.

⁴ <https://www.levada.ru/>.

прошлого. Однако в последнее время в России часто отмечается, что история окончательно заменила собой политику⁵.

Этим апеллированием к истории Россия традиционно отличалась от США, в которых политические разговоры чаще велись с использованием не отсылок к прошлому, а понятий — идеалов, таких как демократия или республика. Приведенный выше фрагмент пресс-конференции С. Лаврова демонстрирует смешение именно этих языков. Российский министр настаивает на важности истории для понимания проблем современной политики, а его американский коллега отказывается с этим соглашаться. Таким образом проявляется традиционное различие роли истории в политическом дискурсе двух стран. Однако всего через несколько месяцев после этого разговора американское общество напомнило своей политической элите о важности прошлого.

⁵ Это не раз отмечалось людьми, внимательно наблюдающими за политической сферой в России. Например, см.: Трудолюбов М. Наша политика — история // Ведомости. 2016. 30 сент.

Часть первая
Рассказы
о прошлом

Пролог «Проект 1619» и «Комиссия 1776»

В августе 2019 года ведущая американская либеральная газета *The New York Times* объявила о начале большого предприятия под названием «Проект 1619», организованного в память о 400-летию прибытия в Америку первых порабощенных людей. Целью проекта было «переосмыслить историю страны путем переноса центра национального нарратива на последствия рабства и на вклад черных американцев» в развитие США⁶. В текстах проекта, состоявшего из серии эссе, подкаста и обещания написать школьный учебник, содержалось, в частности, утверждение, что колонисты начали Войну за независимость для того, чтобы защитить институт рабства, а Авраам Линкольн избражался как сторонник белого превосходства. Многие активисты Демократической партии и афроамериканского сообщества с энтузиазмом восприняли «Проект 1619». Камала Харрис, ныне вице-президент США, а на тот момент сенатор, написала в твиттере, что «“Проект 1619” — сильное и необходимое разбирательство с нашей историей»⁷. Главный инициатор проекта, журналист *The New York Times* Николь Ханна-Джоунс, получила

⁶ Project 1619 // *The New York Times Magazine*. August 14, 2019.

⁷ Kamala Harris twitter, August 16, 2019. <https://twitter.com/KamalaHarris/status/116212279726015489>.

за этот проект Пулитцеровскую премию 2020 года. В то же время сам проект подвергся резкой критике с разных сторон.

Профессиональные историки были возмущены искажением исторических фактов, обвинив авторов проекта в «подмене исторического понимания идеологией»⁸. Ряд афроамериканских интеллектуалов, поддерживающих правую повестку дня, заявили, что проект, требующий возводить историю США не к основанию государства в 1776 году, а к прибытию рабов в 1619-м, и рассказывающий всю историю Америки как историю рабства, оскорбителен для афроамериканцев, и в феврале 2020 года запустили собственный «Проект 1776», целью которого стала демонстрация успешности афроамериканцев и невозможности сведения их опыта к опыту рабства. Инициаторы этого проекта обвинили авторов «Проекта 1619» в скрытой поддержке того же «белого превосходства», с которым он декларативно борется⁹. Наконец, осенью 2020 года президент Трамп объявил о создании «Комиссии 1776» по подготовке празднования 250-летия независимости Соединенных Штатов, которое будет проходить в 2026 году. Комиссия ставила целью поддержание героического и позитивного взгляда на историю США в ответ на ревизионизм, представленный «Проектом 1619». «Несмотря на доблести и достижения нашей Нации, — писал Трамп в исполнительном указе о создании комиссии, — многих школьников учат сейчас в школах ненавидеть их собственную страну и верить, что мужчины и женщины, построившие ее, были не героями, а скорее злодеями». Именно борьба с такой

⁸ We Respond to the Historians Who Critiqued The 1619 Project // *The New York Times Magazine*, December 20, 2019.

⁹ Woodson, Robert. The Crucial Voice of 1776 // *Washington Examiner*. February 13, 2020.

историей являлась задачей комиссии¹⁰. Новый президент Джо Байден отменил создание «Комиссии 1776» в первый же день своего президентства¹¹. Поляризация американской политики приводит и к поляризации взглядов на американскую историю, быстро обрастающих институтами их защиты.

Дробление прошлого

Важной практикой обращения к истории является построение связного рассказа о прошлом своего народа и человечества в целом, который обычно называют словом *нарратив*. Для изучающих историю такой рассказ служит подобием географической карты, на которой можно найти место, где находишься ты сам, и таким образом упорядочить представление о времени. Школьные учебники иногда прямо предлагают детям «найти свое место на стреле времени», обучая их соотносить свою жизнь с «историческими событиями». Конечно, масштаб такого нарратива может отличаться: он может описывать тысячелетия, а может — историю нескольких десятилетий, но не в этом основная проблема «связных рассказов» о прошлом.

Дело в том, что в обществе сосуществует множество нарративов, совершенно по-разному описывающих развитие человечества или отдельного народа. Продолжая аналогию

¹⁰ Trump, Donald J. Executive Order on Establishing the President's Advisory 1776 Commission. November 2, 2020. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-establishing-presidents-advisory-1776-commission/>.

¹¹ Biden, Joseph R. Executive Order On Advancing Racial Equity and Support for Underserved Communities Through the Federal Government. January 20, 2021 // <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/20/executive-order-advancing-racial-equity-and-support-for-underserved-communities-through-the-federal-government/>.

с географией, различие между экономической и политической историей можно сравнить с сосуществованием физической и политической карт мира — они не противоречат друг другу, а описывают разные черты одной и той же реальности. Однако наличие несовместимых цельных рассказов о прошлом — два разных глобуса одной планеты — труднее принять как данность.

Первая реакция на столкновение таких противоречащих нарративов — стремление отвергнуть один из них как ошибочный. Но очень часто дело тут не в ошибке. У проблемы сосуществования противоречащих друг другу образов прошлого есть несколько уровней. Разные рассказы о прошлом существуют внутри исторической науки. Если в конце XX века это воспринималось как «внутрицеховая» проблема историков, то спустя полтора десятилетия ею озаботились политики, возглавляющие государство. Дмитрий Медведев, будучи президентом, отмечал опасность «фрагментарного восприятия истории» и сокрушался, что «после такой достаточно четкой позиции, которой придерживались историки в советский период, история стала разваливаться на куски»¹². Чтобы стать пригодной для политиков, история нуждается в «цельных» интерпретациях, которые пригодны для выстраивания национальных нарративов, и то, что воспринималось как кризис исторической науки, повлекло за собой кризис и в «исторической политике». Однако куда более разнообразны нарративы прошлого, развиваемые писателями, режиссерами и самими политиками.

История представляет собой непрерывный диалог современности с прошлым. На протяжении XIX — первой половины XX столетия главным «заказчиком» исторического диалога были нации, испытывавшие подъем, «от имени» которых и задавались

¹² Встреча Дмитрия Медведева и Владимира Путина с пенсионерами и ветеранами // Сайт Президента России. 2011. 17 ноября. <http://kremlin.ru/news/13555>.

вопросы прошлому. Именно поэтому историки зачастую рассматривали себя как чиновников, состоявших на государственной службе в национальных государствах (и даже фактически были таковыми). Интерпретация прошлого оказывалась в целом единой, что соответствовало и методологическим воззрениям позитивистской исторической школы, доминировавшим с середины XIX века.

Однако во второй половине XX века ситуация изменилась. Социальные группы, ранее не имевшие голоса, начали обретать субъектность, и вот уже в американской историографии появились «женская история» и «история афроамериканцев», а европейские историки начали активно разрабатывать различные варианты истории регионов, не совпадающих с государственными границами. Зачастую само создание такой истории становилось мощным механизмом формирования группы с политическими амбициями. Политики, контролирующие государственный аппарат, утратили монополию на постановку вопросов перед прошлым, хотя в некоторых случаях они пытаются запретить поднимать некоторые вопросы или затруднить поиск ответов на них. Зато в США само государство (в лице властей отдельных штатов) стало проводником «дробления» исторического нарратива, вводя по требованию меньшинств изучение их наследия в школьную программу. Так, например, в Калифорнии в 2011 году законодательное собрание штата приняло закон, требующий освещать в общественных школах исторические достижения геев и лесбиянок¹³.

В результате под вопросом оказалась вся картина единого исторического знания, противопоставленная разнообразным мифам о прошлом, создававшимся в литературе и искусстве:

¹³ Leidhra Johnson. California lawmakers pass bill to teach gay history // Reuters. 06.07.2011. <https://www.reuters.com/article/us-gay-education-california-idUSTRE76509120110706>.

сама научная история начала предлагать разнообразные варианты рассказа о прошлом. С точки зрения читателя, спектр описаний прошлого простирается теперь от публикаций документов и научной монографии до компьютерной игры и книги в жанре фэнтези без особых швов между ними. Лишь профессиональные историки стойко обороняют границу между мифом и основанным на источниках нарративом, неустанно объясняя обществу важность такого различения.

Варианты российской истории

Еще одним вызовом для единой интерпретации истории стало одновременное осознание историками и политиками возможностей социального конструирования при помощи исторической науки. Вопрос «Кто мы такие?» — один из важнейших, которые задают себе люди. Ответ на него обычно дается через описание себя посредством действий в прошлом, собственных либо своих реальных или мифических предков. Задача ученого все больше рассматривается как создание непротиворечивой картины прошлого из имеющихся в его распоряжении источников — их интерпретация. Очевидно, что таких логически непротиворечивых картин может быть создано множество. Развернувшаяся в России борьба за гегемонию того или иного дискурса — борьба за идентичность — проявляется не только в интеллектуальных текстах, но и в прямой поддержке политиками и чиновниками той или иной трактовки отечественной и мировой истории. Каков же доступный в сегодняшней России спектр вариантов трактовки истории?

Ниже предлагаются в крайне схематичной форме несколько интерпретаций отечественной истории, очевидно противоречащих друг другу, каждая из которых, на мой взгляд, не может быть опровергнута на основании изучения исторических источников. Все они бытуют в современном российском обществе,

отражая поиски идентичности различными его группами. Каждая может претендовать на концепцию учебника.

Концепция первая. Новая «государственная школа»

Основы подхода: подчеркивать ведущую роль и заслуги «строителей государства», причем практически любые затраты и жертвы оправдываются целью достижения величия России. Среди героев отечественной истории — Михаил Романов и Петр I, Сталин, а особенно Александр III, среди антигероев — все революционеры и диссиденты. Отношение к Ивану Грозному двойственное: считается, что он пытался укрепить государство, но итог оказался противоположным, вскоре наступила Смута. Внешняя экспансия всегда оправдана обеспечением безопасности и необходимостью получения доступа к ресурсам и торговым путям. Главные «фигуры умолчания» — коррупция чиновников, негативные результаты деятельности «героев» и преступления государства (усиление крепостного права и страдания крестьянства при Петре, ГУЛАГ, масштабы репрессий и количество жертв модернизаций сверху).

Концепция вторая. Либерально-западническая

Основы подхода: история России — летопись борьбы общества с государством за право определять судьбу страны, постепенная эволюция государственного строя в направлении европейской демократии. Среди героев — реформаторы-либералы: Александр I, Никита Хрущев, Михаил Горбачев, а также Петр Чаадаев, представители либеральной интеллигенции, партия кадетов в начале XX века, диссиденты-правозащитники советских времен. Отношение к Петру I двойственное: его хвалят как западника, но осуждают за жестокие методы проведения реформ. Среди антигероев — Иван Грозный, Сталин. Внешняя

экспансия в некоторых случаях оправдывается (в основном в восточном и южном направлениях, поскольку «несла прогресс отсталым народам»), но осуждается в западном направлении (Польша, Прибалтика), так как навязывала более развитым народам отсталые формы государства. О чем умалчивается: о необходимости выживания государства в условиях европейской экспансии XVII–XIX веков и мировых войн XX века, о противоречиях между либерализмом и демократией.

Концепция третья. Националистическая

Основы подхода: Россия — «государство народа русского», история страны — постепенное освоение русским этносом пространств Восточно-Европейской равнины, Сибири, Кавказа и Средней Азии с мирным вхождением в состав государства других этносов на правах младших братьев. Пробиравшиеся к власти представители «малых народов» причиняли, как правило, вред Российскому государству. Украинцы и белорусы — часть русского народа, обманом отсеченная от великой общности. Герои учебника — Петр I, Александр III (с оговоркой «несмотря на онемечивание Романовых»), Сталин (с оговоркой о грузинском происхождении), былинные богатыри, Евпатий Коловрат, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, генералиссимус Александр Суворов, маршал Георгий Жуков, а также интеллектуалы-антисемиты, например Федор Достоевский. Возможен вариант учебника с подчеркиванием роли православия (и добавлением Сергия Радонежского, патриарха Гермогена и пр.). Антигерои — польские мятежники, Лев Троцкий (Бронштейн), Григорий Зиновьев (Радомысльский), Лев Каменев (Розенфельд), Владимир Ленин (Бланк по материнской линии). Отношения между людьми или экономическими субъектами сведены к отношениям между представителями разных этнических групп, которым приписываются врожденные

неизменяемые черты и род деятельности. Умалчивается о современных концепциях сконструированности наций, о роли многообразия наций в современных обществах и о вкладе нерусских людей в развитие России.

Концепция четвертая. Цивилизационная

Основы подхода: в мировой истории соперничали несколько цивилизаций, одной из которых являлась Россия наравне, например, с Европой. В основе цивилизаций лежат различные религиозные традиции, разные способы хозяйствования и формирования отношений государства и общества. Важная роль отводится специфически понятому термину «менталитет», которым объясняются все различия. Герои — создатели отечественной культуры (все российские писатели, философы, композиторы и художники) и строители государства (см. список из «государственнического» учебника). Антигерои — западники, поставившие перед собой ложную цель — догнать Европу, которая идет другой дорогой и много раз предавала доверившихся ей русских. Внешняя экспансия естественна в рамках своего «цивилизационного ареала». Умалчивается о состоявшихся плодотворных заимствованиях, о тех областях, в которых стадиальность развития несомненна (например, в развитии техники и инженерных знаний).

Концепция пятая. Радикально-критическая, постколониальная

Основы подхода: вся история является историей угнетенных классов и социальных групп. Герои — «простые люди», женщины, представители покоренных народов, а также вожди народных восстаний: Стенька Разин, Емельян Пугачев. Антигерои — деспотические государственные мужи, чья деятельность

развенчивается с точки зрения ее пагубного влияния на жизнь угнетенных групп: Петр I (виновен в гибели и страданиях сотен тысяч крестьян; возможно, миллионов), Екатерина II, Российская империя в целом (разрушала культуру небольших этносов), Советское государство (страдания крестьянства, многомиллионные жертвы). Сторонники этого подхода не всегда готовы признавать позитивную роль государства и элит в развитии страны.

Можно сказать, что у большинства россиян существует запрос на «позитивный образ прошлого», но позитив все воспринимают по-разному.

В то же время развитие коммуникаций превратило визуальные искусства — театр, кино, телевидение — в мощный фактор мифотворчества, конструирования образов прошлого. Эти образы приобретают политическое значение и порождают конфликты¹⁴.

¹⁴ Алейда Ассман называет нарратив, экспонирование и инсценирование тремя формами исторической репрезентации, в моем тексте все три формы репрезентации рассматриваются как нарративы. (Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. — М.: НЛО, 2019. — С. 493–498.)

История I

Единый учебник, или Борьба за школьную историю

Владимир Путин въехал в Кремль в канун 2000 года с четким представлением о важности исторических символов¹⁵. Он начал реконструировать российскую идентичность с утверждения «царского» флага и герба России и одновременно подновленного «советского» гимна страны. Еще в должности и. о. президента в феврале 2000 г. Путин посетил мемориал «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане в Волгограде и стал активно использовать риторику обращения к «славному прошлому». Главным способом утверждения новой официальной интерпретации истории стал контроль над содержанием телевизионных программ, школьных учебников и мемориального пространства¹⁶.

¹⁵ Интерес президента к истории отмечали многие наблюдатели. См., например: Hill, Fiona and Clifford Gaddy. Mr. Putin: Operative in the Kremlin. Washington: Brookings Institution Press, 2013. P. 63–77.

¹⁶ Борьба с «неправильными» учебниками началась в 1997 году с постановлений региональных властей о запрете преподавания новейшей истории по учебнику А. А. Кредера. (Рачкова О., Даньшин В. Учебник новейшей истории попал в историю // Коммерсантъ. 1997. 31 окт.

В 2001 году тему «неправильных» учебников впервые поднял премьер-министр России Михаил Касьянов. (Данилевский И. От Гостомысла до Касьянова // Независимая газета. Ex libris. 2001. 6 сент.) Со второй половины 2000-х критика школьного учебника истории в выступлениях В. В. Путина и Д. А. Медведева звучала постоянно.

В этом же контексте надо вспомнить и эпопею с созданием единого учебника истории. Уже 21 июня 2007 года президент России в разговоре с преподавателями обрушился на авторов учебников: «Многие учебники пишут люди, которые работают за иностранные гранты. Так они исполняют польку-бабочку, которую заказывают те, кто платит. Понимаете?»¹⁷ Историки — авторы учебников почувствовали себя оскорбленными, но быстрых последствий это замечание не имело. Однако в феврале 2013 года президент Путин выказал озабоченность разным толкованием истории в российских регионах и предложил создать единые учебники истории России для средней школы. Предполагалось, что такие учебники будут построены «в рамках единой концепции, в рамках единой логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех ее этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого». Разъясняя свое видение, президент фактически развил метафору «социального клея»:

Наша задача заключается в том, чтобы укрепить гармонию и согласие в многонациональном российском обществе, чтобы люди независимо от своей этнической, религиозной принадлежности осознавали себя гражданами единой страны... Возможно... единый учебник по российской истории решит эту проблему¹⁸.

Поскольку история стала основным аргументом при обсуждении политических проблем, единый учебник должен был

¹⁷ Стенографический отчет о встрече с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук // Сайт Президента России. 2007. 21 июня. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24359>.

¹⁸ Путин В. В. Заседание Совета по межнациональным отношениям // Сайт Президента России. 2013. 19 февр. <http://kremlin.ru/events/president/news/17536>.

создать набор исторических «мемов», опираясь на который власть и население могли бы продолжать разговор о политике. Первоначально речь шла о разной трактовке важных событий национальной истории в региональном историописании. Исторические фигуры и события, по-разному воспринимаемые в регионах страны, не могут служить референтными точками для донесения какой-либо (политической) идеи. Такая история не годится для описания современных проблем и не выполняет, таким образом, основной функции, назначенной ей государственной властью.

Эта инициатива встретила, однако, серьезное сопротивление историков¹⁹. Сторонники и противники этой идеи обсуждали ее прежде всего как шаг на пути к введению государственной идеологии. Несмотря на то что в контексте встречи, на которой был анонсирован план создания единого учебника, речь шла о преодолении противоречий, содержащихся в региональных пособиях, либеральная интеллигенция озабочилась возможным поворотом к идеологической унификации. «Есть все основания предполагать, — заявили члены Комитета гражданских инициатив, — что в атмосфере неприятия политических, социальных и культурных альтернатив, невнимания к позиции активного меньшинства власть как заказчик примет такой учебник, который будет воспитывать не ценности свободы и достоинства, а послушание и сервиллизм»²⁰. Большая группа профессиональных историков и преподавателей других гуманитарных дисциплин в 2014 году опубликовала

¹⁹ Курилла И. И. Лоскутное одеяло истории, или Историческое сообщество в эпоху политизации его академического поля // *Ab Imperio*. 2013. №2. — С. 298–326.

²⁰ Заявление КГИ об общенациональном учебнике истории // Комитет гражданских инициатив. 2013. 3 марта. <https://komitetgi.ru/news/news/434/>.

«Обращение к историкам — авторам школьных учебников» с призывом бойкотировать создание «идейно выдержанных» учебников²¹.

Историки вообще оказались на удивление единодушны в неприятии этой инициативы. Так, академик Валерий Тишков в своей записи в фейсбуке сообщил, что знает о двух попытках создания единого учебника истории, в 1934 и в 1949 году, и что как академик-секретарь отделения истории РАН, «не хотел бы поощрять третью попытку»²². Академик Александр Чубарьян при обсуждении идеи единого учебника попробовал переопределить задачи историков в свете президентской инициативы. Вместо обсуждения планирования единого учебника он заговорил о том, что процесс его подготовки займет долгое время и что «нужно воспользоваться ситуацией для постановки вопроса исторического образования в школе в целом»²³. А директор Института российской истории РАН Юрий Петров подчеркнул, что «единый не значит единственный»²⁴. Ушедший в отставку с поста директора ИРИ РАН академик Андрей Сахаров также высказался против инициативы: «К созданию единого учебника истории я отношусь отрицательно, потому что считаю, что у учителя должен быть пусть и небольшой, но выбор

²¹ Обращение к историкам — авторам школьных учебников // Полит.ру. 2014. 22 мая. <https://polit.ru/article/2014/05/22/history/>.

²² Запись в фейсбуке В. А. Тишкова 27 февраля 2013 года. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=344482752337752&id=100003280900276.

²³ Александр Чубарьян — о едином учебнике истории России // Телеканал «Культура». 2013. 4 марта.

²⁴ Лемуткина М. Единый учебник истории придет в школы уже через пару лет // Московский комсомолец. 2013. 4 марта. Любопытно, что ранее по поводу единого учебника негативно высказывался и Александр Филиппов, автор школьного учебника, вызвавшего в свое время резкую критику. Аудиозапись радиопрограммы «Своя правда» от 18 ноября 2010 г. http://www.moskva.fm/stations/FM_107.0/programs/своя_правда/2010-11-18_19:00.

того, как преподавать. Спорные вопросы, вариации оценки, точки зрения — все это должно быть представлено. А в едином учебнике все это будет нивелировано, а после и вовсе сведется к нулю. Такого не должно быть»²⁵. Соппротивление историков введению единого учебника привело к тому, что инициатива остановилась на разработке историко-культурного стандарта, — разнообразие учебников уменьшилось, но не исчезло.

Известно несколько конфликтов вокруг учебников истории. В свое время массивную атаку со стороны консервативно настроенной части общественности и чиновников вызвали книги Александра Кредера²⁶, Игоря Долуцкого²⁷. Атаку иного рода — со стороны либеральной и антисталинистской общественности — пережил учебник, написанный с других позиций, за авторством Александра Филиппова, Александра Данилова и Анатолия Уткина²⁸.

Идея создать единый учебник истории не нова. Одним учебником, в том или ином виде развивавшим концепцию «Краткого курса истории ВКП(б)», обходились в советское время.

²⁵ Россия без Путина: единый учебник истории «приведет страну к Китаю» // РБК. 2013. 18 июня.

²⁶ Кредер А. А. Новейшая история, XX в. Учебник для основной школы. Ч. 1–2. — М. Центр гуманитарного образования, 1995–1997 (1–3-е изд.).

²⁷ Долуцкий И. И. Отечественная история. XX век. Учебник для 10 класса средней школы. Ч. 1–2. — М.: Мнемозина, 1994.

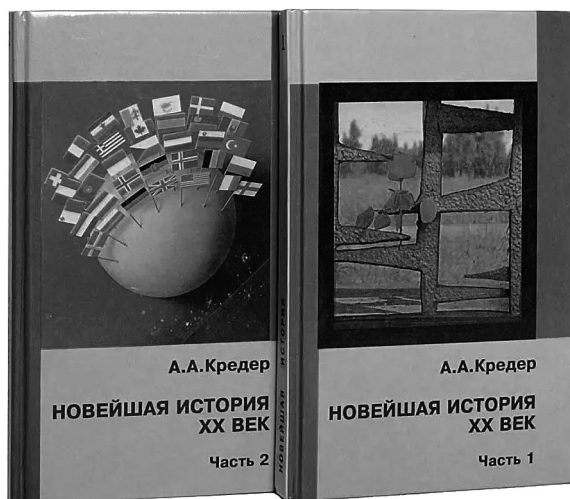
²⁸ Первоначальные идеи были изложены в пособии для учителей А. В. Филиппова, через год доработанном до полномасштабного учебника. См.:

Филиппов А. В. Новейшая история России. 1945–2006. Книга для учителя. — М.: Просвещение, 2007;

История России. 1945–2007. Учебник для учащихся общеобразовательных учебных учреждений. Под ред. А. А. Данилова, А. И. Уткина и А. В. Филиппова. — М.: Просвещение, 2008.

Проблематику вузовских учебников истории, вокруг которых тоже в последние годы разгорались скандалы, оставим в стороне.

Учебник
А. А. Кредера
по новейшей
истории, вокруг
которого
разгорелся
один из первых
конфликтов.
Фото автора

На протяжении всего постсоветского периода против разнообразия учебников выступали разные политики. Однако за время этих разговоров наступила другая эпоха. Ее отличие не только в новых средствах получения и передачи информации (интернет похоронил бумажные энциклопедии и уже отобрал у учебника привилегию считаться главным источником знаний), но и в изменившемся понимании того, что такое историческая наука.

В зависимости от угла зрения рассказчика на первый план выходили разные факты прошлого. В XX веке появились не только книги по истории разных стран, написанные «с точки зрения» крестьян или рабочего класса, но и по истории разных социальных групп или «побежденных». Каждая такая история истинна в том смысле, что она повествует о реальных событиях. Однако набор фактов оказывается разным. Научный же статус истории обеспечен строгой методологией поиска ответов на вопросы, и прежде всего — работой с источниками. Кроме того, разные социальные группы, народы и регионы задают прошлому свои вопросы.

Что такое с этой точки зрения единый учебник истории? В большинстве случаев это изложение истории с позиции какой-то одной социальной или политической силы и в рамках одного из существующих объяснений прошлого. Результатом борьбы за единый учебник в России стала обновленная версия учебника государственной школы, который преподносит историю государства Российского как расширяющегося и превращающегося в империю Московского княжества.

Итогом нескольких лет работы коллектива историков и методистов стала разработка историко-культурного стандарта и одобрение к использованию в школе трех комплектов новых учебников истории, подготовленных издательствами «Просвещение», «Дрофа» и «Русское слово». Другие издательства, ранее создававшие учебники истории, не прошли сквозь мелкое сито надзирающих структур и ушли с этого рынка.

Историческое образование служит важнейшей социализирующей силой, утверждая интерпретацию прошлого, делающую детей гражданами. Историческая наука опирается на две основы: источники, сформированные в том прошлом, которое она изучает, и вопросы к этим источникам, рожденные современностью. Очевидно, что профессиональные историки не могут обладать монополией на вопрошание. Историк может поставить вопрос более грамотно, но суть общественного запроса способен сформулировать и непрофессионал. Другое дело, что в России с ее непреодоленным расколом между государством и обществом существует множество запросов к исторической науке. Больше того, определение предмета исследования может диктоваться не только интересами ученого (например, в сфере экономики или культуры), но и его системой ценностей. Поскольку в обществе сосуществуют разные группы со своими системами ценностей, то каждая из них предлагает свою интерпретацию прошлого.

Историческая наука от этой множественности выигрывает, однако проблемы появляются при использовании научных

выводов в преподавании истории. Как сегодня представляется большинству политиков, видение прошлого предопределяет будущее.

Правые и левые в борьбе за учебники

В борьбе за учебники истории участвуют, как правило, несколько сторон: помимо политиков, для которых учебник является способом утверждения собственной картины мира, это историки, стремящиеся сохранить научное содержание книги, а также издательский бизнес, для которого учебники, издающиеся тиражами в сотни тысяч и миллионы экземпляров, являются гарантированным доходом.

Учебники истории оказываются яблоком раздора и предметом пристального внимания политиков во многих странах, потому что не только участвуют в воспроизводстве национальных культурных символов, но и формируют новые общественные предпочтения²⁹. Вот лишь несколько сюжетов последнего десятилетия, которое многие характеризуют как время консервативного поворота. Правительство Чили после победы правоцентристов на выборах в 2011 году распорядилось изменить в учебниках характеристику времени правления А. Пиночета с «диктатуры» на «военный режим»³⁰. В Великобритании разразился громкий скандал, когда в 2013 году министр образования Майкл Гоув предложил реформу школьного исторического образования, заменявшую социальную историю Британии, изложенную в мировом контексте, на более национально ориентированную, патриотическую, последовательно излагающую факты. Она

²⁹ Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций. Под ред. В. И. Журавлевой и И. И. Куриллы. — Волгоград: Издательство ВолГУ, 2009.

³⁰ Аугусто Пиночет больше не диктатор // Коммерсантъ. 2012. 10 янв.

нацелена на то, чтобы дети «выходили в мир с оптимизмом, происходящим из гордости родиться британцем и уверенностью, что правда всегда была на нашей стороне»³¹. Франсуа Фийон, бывший премьер-министр и кандидат в президенты Франции от правой партии «Республиканцы», баллотировавшийся в 2017 году, обещал не только высылать из страны всех мигрантов, совершивших какое-либо правонарушение, и ужесточить условия усыновления детей гомосексуальными парами, но и «поддержать историческую науку и написать новый учебник истории»³².

Неудивительно, что в США вокруг учебников истории также идет непрекращающаяся борьба. Она началась намного раньше, чем европейские «войны памяти», но здесь до поры до времени разные учебники были просто разделены географически. На протяжении последней трети XIX и начала XX века учебники истории для северных и южных школьников радикально отличались. Южные штаты требовали, чтобы авторы учебников изображали Конфедерацию с симпатией, а на Севере дети изучали измену южан. Большие издательства выпускали отдельные учебники истории для Юга и для Севера США³³.

Начиная с 1960-х годов ревизионизм в американской исторической науке сформировал левую критику официального нарратива отечественной истории. Вся патриотическая версия, доминирующий рассказ школьных учебников, оказалась под ударом. Исследователь исторического образования Джеймс Лёвен однажды выдвинул тезис, который только на первый взгляд кажется парадоксальным: «Для США было бы лучше, если бы

³¹ Watson, Michael. Michael Gove's war on historians: extreme whig history and Conservative curriculum reform // LSE Blogs, June 7, 2019. <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/michael-goves-war-on-historians/>.

³² Субботин И. Фийон атакует «Национальный фронт» // Независимая газета. 2016. 25 ноября.

³³ Ravitch D. The Language Police: How Pressure Groups Restrict What Students Learn. New York, 2003. P. 68.

учебники американской истории писались представителями другой страны»³⁴. В своей весьма популярной книге Лёвен анализирует основные составляющие доминирующего в США режима подачи истории, разбирая «патриотические» трактовки в школьных учебниках таких тем, как расизм, война во Вьетнаме, отношения с индейцами, усиление государства, и другие вопросы. Книга стала образцовым списком левых претензий к правому историческому нарративу³⁵.

Вышедшая в 1980 году «Народная история США», написанная историком левых взглядов Говардом Зинном, стала чрезвычайно популярной в качестве дополнительного чтения в американских школах (учебником она быть формально не могла). В этой книге, общий тираж которой уже превысил два миллиона экземпляров, все события американской истории рассказаны с точки зрения «проигравших»: «об открытии Америки с точки зрения араваков; о Конституции — с точки зрения рабов; об Эндрю Джексоне, каким его видели индейцы чироки³⁶; о Гражданской войне через восприятие нью-йоркских ирландцев; об американо-мексиканской войне, какой она представлялась солдатам-дезертирам армии Уинфилда Скотта; <...> о Второй мировой войне с точки зрения пацифистов»³⁷. Консервативные родители жаловались на эту книгу, а губернатор

³⁴ Лёвен Дж. Преподавать подлинную историю // Американский ежегодник, 2005. — М.: Наука, 2007. — С. 167–179.

³⁵ Loewen J. W. Lies My Teacher Told Me: Everything Your American History Textbook Got Wrong. The New Press, 1995. 2nd ed. 2007.

³⁶ Араваки — индейцы Южной Америки, первыми столкнувшиеся с европейскими завоевателями в XV–XVI веках. Чироки — одно из «цивилизованных племен» американских индейцев, выселенных во время президентства Эндрю Джексона во внутренние районы страны. Во время переселения погибло несколько тысяч чироки, его маршрут сохранился в истории как «дорога слез».

³⁷ Зинн Г. Народная история США. — М.: Весь мир, 2006. — С. 21–22.

штата Индиана в прошлом десятилетии требовал не допустить ее использования в школах штата³⁸.

Правые, в свою очередь, вели собственные бои за историю, прибегая иногда к крайним методам для защиты консервативных, традиционных учебников.

Битва за учебники в округе Канова

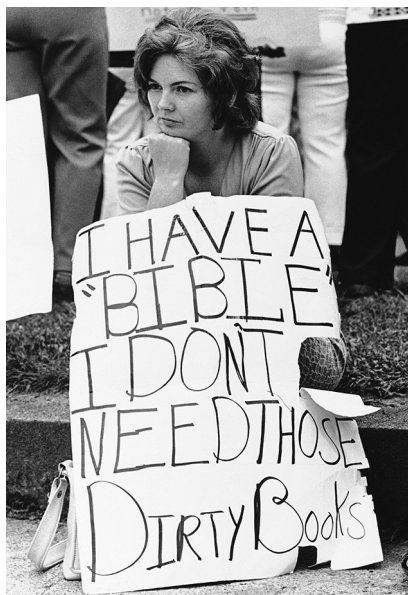
В 1974 году в округе Канова (Kanawha), штат Западная Вирджиния, введение новых учебников привело к массовым протестам, акциям гражданского неповиновения и угрозе террористических актов. Появившиеся весной того года школьные пособия отражали некоторые аспекты движения за гражданские права и развития феминизма, что показалось слишком либеральным некоторым консервативным членам окружного Совета по образованию. Они быстро собрали 12 000 подписей под петицией, требовавшей запретить в школах книги, подрывающие веру в Бога, американскую политическую систему, капитализм, а также «историю Америки как повествование об одной из самых благородных из когда-либо существовавших цивилизаций»³⁹.

После того как большинство совета, вопреки этим протестам, одобрило новые учебники, произошел взрыв. Начало учебного года бойкотировали 9000 (из 45 000) школьников округа, которых просто не пустили в школу родители. На следующий день забастовали все шахты в этом угледобывающем округе. В течение нескольких месяцев в округе происходили

³⁸ LoBianco, Tom. Mitch Daniels Sought To Censor Public Universities, Professors // AP. July 16, 2013. https://www.teachingforchange.org/wp-content/uploads/2016/06/zep_archive_huffpost_mitchdaniels_071613.pdf.

³⁹ Tauger, Nathan. Bans, Boycotts, and Brawls: The 1970s West Virginia Textbook Controversy // Nursing Clio. February 23, 2017. <https://nursingclio.org/2017/02/23/bans-boycotts-and-brawls-the-1970s-west-virginia-textbook-controversy/>.

Пикет против новых учебников
в Чарльстоне, Западная
Вирджиния, 1974 год.
На плакате надпись: «У меня
есть Библия, мне не нужны эти
грязные книги».
AP Photo / East News

обстрелы школьных автобусов и минирования школ и здания Совета по образованию (один из школьников прокомментировал: «Они стреляют в людей, чтобы не допустить насилия в книгах»). В организации протестов приняли участие консервативные религиозные лидеры, и один из них, преподобный Марвин Хоран, был позднее приговорен к трехлетнему тюремному заключению за участие в заговоре по минированию школ.

В том же 1974 году в штате Миссисипи комиссия по учебникам запретила к использованию в школах учебник для девятого класса по истории штата из-за того, что в него были включены (впервые) разделы об афроамериканцах, индейцах, женщинах, рабочих, а также обсуждались бедность, белый террор и коррупция. Авторы книги Джеймс Лёвен и Чарльз Саллис опротестовали запрет в федеральном суде и победили. Спор явился одной из последних битв движения за гражданские права, а Джеймс Лёвен с этого момента стал одним из главных